

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Киреев

По вопросу о сближении со старокатоликами

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1893. № 3-4. С. 259-298.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

ПО ВОПРОСУ О СБЛИЖЕНІИ СО СТАРОКАТОЛИКАМИ.

«Въсте же, что есть въ церквахъ нашихъ повседневное публичное моленіе о соединеніи вѣры, которое устами произносяще, духомъ паки и паки повторяемъ».

Отвѣтъ св. Синода Сорбоннѣ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМЪ поводомъ къ написанію этой статьи было появленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ четырехъ писемъ о. протоіерея Е. К. Смирнова, направленныхъ противъ старокатолическаго движенія вообще и противъ моихъ сужденій о немъ въ особенности. По нѣкоторымъ причинамъ мнѣ не пришлось отвѣтить на нихъ своевременно и въ томъ же органѣ, а съ тѣхъ поръ дѣло настолько выяснилось, о немъ такъ хорошо и такъ много было написано и за границей и у насъ, что въ прямомъ, специальномъ отвѣтѣ моему почтенному оппоненту надобности, я полагаю, уже не оказывается; поэтому я позволю себѣ коснуться лишь тѣхъ положеній о. Смирнова, которыя представляютъ общій интересъ, а затѣмъ обращусь къ нашимъ отношеніямъ къ старокатоликамъ. Считаю необходимымъ сдѣлать исключеніе лишь относительно слѣдующаго замѣчанія моего оппонента. На стр. 1311 онъ говоритъ: „людямъ православнымъ совсѣмъ не пристала роль *заискиванія*, столь свойственная людямъ инославія. Не будемъ же облекаться въ чуждое намъ вооруженіе царя Саула (?). а возьмемъ въ руки пращицу да пару камешковъ, съ коими намъ, какъ отроку Давиду, удобнѣе сразиться съ Голиафомъ“ и т. д. „Заискивать!“ Кто же совѣтуетъ „заискивать?“ Гдѣ могъ онъ вы-

читать у меня такой, но меньшей мѣрѣ—странный, смѣю увѣрить, очень для меня странный и мнѣ необычный совѣтъ? Да и у кого же „заискивать?“ И у сильнаго, у могущественнаго, отъ котораго зависить раздача разныхъ благъ мірскихъ, не подобаетъ „заискивать“, а у слабаго, у притѣсняемаго—это вѣдь и безцѣльно! Если къ старокатоликамъ кто либо относится сочувственно, почеловѣчески, то ужъ конечно не изъ-за какого нибудь „интереса“. Къ такому доброму человѣку по истинѣ примѣняется двустишіе о Катонѣ Утическомъ:

Victrix causa Diis placuit,
Sed victa Catoni!

Впрочемъ я долженъ сказать, что враги старокатоликовъ очень далеки отъ побѣды; думаю даже, что они никогда не побѣдятъ, въ особенности, если естественные союзники старокатоликовъ, тѣ, которымъ приходится защищаться отъ однихъ и тѣхъ-же враговъ, не забудутъ ни своей выгоды, ни своего долга; разумѣю насъ—православныхъ! Горько подумать, что даже и въ созданной нами Болгаріи латинство начинается, съ помощію г. Стамбулова и съ благословенія папы, вытѣснять православіе!

Сношеніямъ нашимъ со старокатоликами теперь болѣе двадцати лѣтъ; начало ихъ относится почти къ самому началу старокатолическаго движенія. Припомню вѣскольکو фактовъ. Извѣстно, что іезуитская партія, самовластно орудовавшая на ватиканскомъ соборѣ, несмотря на очень тщательныя подготовительныя работы, какъ-то: провозглашеніе догмата о непорочномъ зачатіи, обнародованіе силлабуса и друг.,—все-таки не сразу и не безъ труда одолѣла своихъ противниковъ. По числу своему они, правда, были немногочисленны, но это были люди извѣстные своей ученостію, какъ напр. Марэ, Дюпанлу, Гефеле, Штроссмайеръ; да кромѣ того, они и по числу своихъ пасомыхъ были несравненно важнѣе епископовъ, составлявшихъ большинство. Извѣстно, что епископы, созываемые на соборъ, обязаны излагать вѣру своей паствы, а не любомудрствовать и не сочинять догматы, что они суть *non auctores, sed testes fidei*; а у многихъ представителей большинства даже и паствы никакой не было, такъ какъ ихъ каедры были *in partibus in-*

fidelium ¹⁾). Поэтому очень многие и въ Германіи и во Франціи надѣялись, что соборъ не рѣшится провозгласить догматъ непогрѣшимости. Надѣялись на протестъ хотя нѣкоторыхъ епископовъ. Какъ извѣстно, надежды эти не сбылись: энергическаго и окончательнаго протеста со стороны тѣхъ епископовъ, которые и *до* и *во время* собора повторяли, что ихъ христіанская совѣсть никогда не дозволитъ имъ сказать „Placet“, выразить свое согласіе на нелѣпый, противохристіанскій догматъ папской непогрѣшимости, не послѣдовало; они ограничились постыднымъ бѣгствомъ изъ Рима. Въ Германіи этого не ожидали: тамъ въ особенности рассчитывали на епископа Гефеле, ученаго автора „исторіи соборовъ“, въ которой, хотя и превозносился авторитетъ папы, однако не уничтожался авторитетъ и церкви. Идя въ Римъ на соборъ, онъ, какъ мнѣ недавно еще рассказывалъ прот. И. И. Базаровъ, настоятель нашей церкви въ Штуттгартѣ, повторялъ: „Ich bin ein Catholik, aber kein Roemling“ (Я католикъ, но не прислужникъ Рима). Рассчитывали еще на Штрессмайера, на многихъ другихъ,—и что же? мало по малу всѣ эти благородные представители „христіанской совѣсти“ втихомолку переползаютъ на сторону іезуитовъ, на сторону большинства, забывая свои безпомощныя паствы и прикрывая свое малодушное предательство—кто нежеланіемъ „сѣять раздоръ въ церкви Христовой“, кто опасеніемъ „опечалить святѣйшаго отца“ и т. п. Этимъ „благочестивымъ“ людямъ казалось, стало быть, что ложное, внѣшнее единство церкви выше чистоты ея ученія: пусть, молъ, будетъ хоть еретическая церковь, да „единая“; по ихъ мнѣнію, Христа Спасителя опечалить—ничего, лишь бы не опечалилось „его святѣйшество“. „Худой миръ лучше доброй брани, да и содержаніе у насъ хорошее!....“ И французскіе епископы оказались не лучшими. Потерявъ всякую надежду на помощь со стороны тѣхъ, которые должны были стать во главѣ протеста, паства этихъ недостойныхъ пастырей нашла достойныхъ представителей въ лицѣ нѣсколькихъ ученыхъ, частію мірянъ, частію духовныхъ, и устрои-

¹⁾ Замѣчу, кстати, что существованіе—я до сего времени, въ латинской церкви, этихъ псевдо-епископовъ *in partibus* доказываетъ, что Римъ считаетъ нашихъ епископовъ самозванцами.

лась сначала въ общины, въ приходы, а затѣмъ и въ епархіи. Таково было, въ двухъ словахъ, возникновеніе старокатолической церкви. Но даже и раньше этого, еще оставаясь [безъ высшихъ пастырей, старокатолики обратились за нравственной помощію къ намъ, къ православной восточной церкви, выражая пламеннѣйшее желаніе войти съ нами въ соглашеніе, возстановить съ нами церковное единство, а со временемъ, при Божіей помощи, послужить посредниками между всѣмъ западомъ и всѣмъ востокомъ. И почему же нѣтъ? Великій расколъ вызванъ къ жизни преступнымъ самоувѣреніемъ западнаго патріарха, увлекшаго за собою всю свою паству, частію насиліемъ, частію обманомъ; почему же теперь западу, увидѣвшему логическіе результаты своихъ ошибокъ (ибо послѣдній догматъ есть лишь логическій выводъ первоначальныхъ [ложныхъ посылокъ]), почему, говорю я, ему не одуматься? Почему не возвратиться къ древнему ученію и не возстановить древнее единство? Почему не прекратить неустанную съ нами борьбу? Почему не возстановить мира во всемъ мірѣ? Вѣдь тогда и протестанты и англикане снова примкнутъ къ истинной церкви! Но это дѣло будущаго; пока—передъ нами многозначительный фактъ возстановленія, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, православной церкви въ области римскаго патріархата, церкви, которая настоятельно ищетъ съ нами сближенія и даже единенія. Понятно, что мы не можемъ оставаться равнодушными къ этому важному явленію, не можемъ отмалчиваться отъ него, не можемъ его „игнорировать!“

Пока старокатолическое движеніе еще не опредѣлилось, не выяснилось, церковь наша не только могла, но и должна была соблюдать крайнюю осторожность и медлить; она, со свойственною ей мудростію, предоставила дѣйствовать частнымъ лицамъ. (Вскорѣ послѣ возникновенія старокатолицизма, въ Петербургѣ было основано отдѣленіе Общества любителей духовнаго [просвѣщенія, коего спеціальною цѣлю были сношенія со старокатоликами). Но теперь положеніе, кажется, выяснилось вполне. Теперь и сама церковь можетъ уже высказаться, можетъ изречь свое вѣское, рѣшающее слово, или, по крайней мѣрѣ, можетъ готовиться къ тому, чтобы высказать его.

Вотъ въ немногихъ словахъ исторія возникновенія старокатолицизма. Но, дабы опредѣлить вполнѣ наши отношенія къ нему, необходимо вникнуть въ его сущность и въ положеніе, въ которомъ онъ находится въ настоящее время. Было бы ошибкой думать, что онъ уже вполнѣ закончилъ свое развитіе и достигъ своего нормальнаго роста. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ Владиміръ Гетте, относившійся очень сочувственно къ старокатолицизму, говорилъ про него, что это церковь въ періодѣ образованія, „*une eglise en formation*“. То же самое можно, въ извѣстномъ смыслѣ, повторить и теперь. Внутреннее образованіе старокатолической церкви окончено: она имѣетъ свою іерархію, въ ней совершаются таинства, ея догматическое и каноническое ученіе совершенно выяснено; она смѣло можетъ предстать на судъ православныхъ церквей. Но, во 1-хъ, она еще не признана нами, не имѣетъ еще своего опредѣленнаго мѣста во вселенской католической церкви (о чемъ на послѣднемъ старокатолическомъ конгрессѣ въ Люцернѣ и постановлено ходатайствовать передъ православными церквями); во 2-хъ, она еще не вполнѣ очистилась отъ нѣкоторыхъ нездоровыхъ придатковъ, которые всегда являются какъ при религіозныхъ, такъ и при политическихъ переворотахъ. При каждой реформѣ есть люди, изъ которыхъ одни находятъ, что реформа идетъ слишкомъ скоро, другіе, что она идетъ слишкомъ медленно,—есть ультраконсерваторы и ультрапрогрессисты. Такъ было всегда и вездѣ; такъ напр. было и съ протестантизмомъ: Меланхтонъ, и конечно не безъ основанія, находилъ, что Лютеръ шелъ слишкомъ скоро, слишкомъ далеко, а Карлштадтъ ¹⁾ находилъ, что онъ шелъ слишкомъ медленно, остановился на полдорогѣ. Тоже видимъ мы у Гусситовъ, тоже явленіе мы наблюдаемъ и въ богословскихъ ученіяхъ, въ разныхъ теченіяхъ богословской науки: всюду существуютъ крайнія партіи.

Тоже самое видимъ мы и въ старокатолицизмѣ, и около него группируются элементы крайніе и нездоровые, отъ которыхъ ему должно будетъ отдѣлиться. Въ началѣ движенія къ нему старались прикнудить элементы совершенно протестантскаго пошиба, затѣмъ отдѣль-

¹⁾ Въ ученіи объ евхаристіи.

ныя личности не внушающія довѣрія, которыя, однако, считаютъ себя вправѣ причисляться къ старокатоликамъ (не подчиняясь при этомъ ни ихъ ученію, ни установленнымъ ими властямъ). Это конечно бросаетъ невыгодную тѣнь на все движеніе старокатолическое, но совершенно незаслуженно. И такіе ненадежные элементы существуютъ не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, гдѣ тоже есть такіе „независимые“ старокатолики! Но можетъ ли все это служить причиной обвиненія старокатолицизма? Конечно нѣтъ! Къ нему притягиваются разные блуждающіе элементы, къ которымъ онъ, можетъ быть, относится не съ достаточною суровостью и строгостію; но несомнѣнно, что какъ только разрѣшится вопросъ объ отношеніяхъ старокатоличества къ православнымъ восточнымъ церквамъ—эти элементы отпадутъ сами собою и или перейдутъ въ протестантизмъ, или обратно возвратятся къ Риму. Но если существуетъ нѣкоторая неясность, неопредѣленность въ отношеніяхъ старокатоликовъ къ этимъ блуждающимъ элементамъ, то относительно своей внутренней духовной жизни старокатолическая церковь стоитъ совершенно твердо. И на счетъ этого также высказываемы были сомнѣнія, напр. вполнѣ ли законно установленіе старокатолической іерархіи? Вопросъ этотъ распадается на двѣ части. Спрашивается, во 1-хъ, что за церковь та Утрехтская церковь, которая передала апостольское рукоположеніе старокатоликамъ? Во 2-хъ, можно ли признать правильнымъ рукоположеніе, совершенное однимъ епископомъ? (при участіи инфулата; такъ были поставлены Рейнкенсъ и Герцогъ). Утрехтская церковь—часть римско-католической церкви, которая отдѣлилась отъ папы въ началѣ XVIII ст. и стала весьма близко къ намъ по своему догмату: она не признаетъ ни папской непогрѣшимости, ни непорочнаго зачатія, ни индульгенцій, ни крайнихъ теорій силлабуса. Причины отдѣленія утрехтцевъ отъ Рима совершенно внѣшняго свойства.

Конецъ XVII-го ст. и начало XVIII можно считать временемъ полного разцвѣта и могущества іезуитскаго ордена. Все, чего можно было достигнуть послѣ Вестфальскаго мира, признавашаго и узаконившаго права протестантовъ, было достигнуто орденомъ. Дальнѣйшему распространенію протестантизма положенъ былъ

твердый предѣлъ. Въ Литвѣ и въ Польшѣ онъ былъ сломенъ; въ Венгріи онъ отступалъ. Въ Австріи, въ Испаніи и въ Польшѣ орденъ былъ полновластенъ; папа Климентъ XI былъ его игрушкой (буллы *Vinea Domini, Unigenitus*); самъ могущественный Людви́гъ XIV былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своего духовника іезуита Лашеза (отвѣтъ напѣткаго эдикта, драгонады). Къ этому именно времени относится начало борьбы между всемогущими іезуитами и маленькимъ, ничтожнымъ Утрехтомъ. Одна изъ главныхъ заботъ ордена состояла въ повсемѣстномъ умаленіи значенія мѣстнаго епископата и подчиненіи его вліянію нунціатуръ, зависящихъ прямо отъ Рима и находящихся подъ вліяніемъ іезуитовъ; такой именно порядокъ іезуиты хотѣли ввести и въ Голландіи. Недовольные избраніемъ патера Кодде въ епископы Утрехта, они потребовали его подчиненія нунціатурѣ Брюсселя или Кельна; Кодде началъ сопротивляться, тогда іезуиты обвинили его въ яansenизмъ и въ томъ, что онъ рекомендуетъ чтеніе Библии мірянамъ. Возникло дѣло, которое перешло въ Римъ; но тамъ однако, несмотря на силу ордена и слабость утрехтцевъ, Кодде былъ оправданъ; іезуиты конечно не уgomонились, и продолжали нападки. Со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія, которыя состояли въ слѣдующемъ: въ 1681 году утрехтцы любезно приняли Антонія Арно, они приглашаютъ мірянъ читать слово Вожіе, которое перевели на голландскій языкъ, они даютъ отпущеніе грѣховъ слишкомъ строго ¹⁾, при крещеніи и бракосочетаніи употребляютъ голландскій языкъ и, наконецъ, питаютъ отвращеніе къ индульгенціямъ. Вотъ тяжкія вины утрехтцевъ! Это происходило въ концѣ XVII ст. Несмотря на свою правоту, Кодде былъ въ концѣ концовъ смѣщенъ; тогда капитуль смѣло за него вступился и началась открытая борьба. Къ умирающему Кодде является аудиторъ Борджіа съ требованіемъ подчиненія, но не успѣваетъ сломить сопротивленіе старца, ко-

¹⁾ Извѣстно, что іезуиты, дабы привлечь къ себѣ сторонниковъ, давали отпущеніе грѣховъ очень легко (средство оказалось дѣйствительно очень цѣлесообразное). Одинъ изъ нихъ, если не ошибаюсь, знаменитый Бузенбаумъ хвастался своей способностію успокаивать совѣсть кающагося и говорилъ, что онъ и самому діаволу далъ бы отпущеніе грѣховъ послѣ краткой исповѣди.

торый умираетъ отлученнымъ. Въ 1713 году появляется булла «Unigenitus», возбуждающая всеобщее негодованіе: утрехтцы апеллируютъ ко вселенскому собору. Сорбонна, ученѣйшее въ мірѣ католическое учрежденіе, признаетъ правоту утрехтцевъ. Послѣ смерти Бодде, гарлемскій капитулъ избираетъ на его мѣсто своего викарія Стееновена. Новоизбранный подписываетъ исповѣданіе тридентинскаго собора и посылаетъ его папѣ, въ надеждѣ возстановить миръ. Но тщетно; участь утрехтской церкви была рѣшена: на ходатайство капитула куріи даже и не отвѣтила; и только тогда капитулъ, прождавшій отвѣтъ этотъ полтора года, снесшись съ университетами въ Лувенѣ и въ Парижѣ и *получивъ ихъ одобреніе*, обратился съ просьбою къ епископу Доминику Варле (Varlet) рукоположить Стееновена; это рукоположеніе, при содѣйствіи декана Эркеля и каноника Даленорта, имъ и было совершено. Вслѣдъ за симъ получено было извѣщеніе изъ Рима о томъ, что всѣ непокорные утрехтцы предаются анаемѣ. Таковъ, въ двухъ словахъ, ходъ этого дѣла. Находясь недавно въ Штутгартѣ и занимаясь въ тамошней довольно богатой библиотекѣ, я имѣлъ случай прочесть одно сочиненіе, написанное не только не сторонникомъ утрехтцевъ, а напротивъ яримъ ихъ врагомъ ¹⁾. Все, что можно было найти противъ утрехтцевъ, конечно приведено въ этомъ сочиненіи, написанномъ съ адвокатской обстоятельностью. Въ чемъ же обвиняются утрехтцы?—Они не признаютъ авторитета Рима! Они „возставшіе“, „sono refrattarii“ (т. II, pag. 110—111). „I refrattarii avevano disposta la maschera, ed erano gia sul punto di scuotere affatto il giogo della romana apostolica Podesta“... (Возставшіе сняли маску и собирались уже сбросить съ себя иго апостольской римской власти!) Вотъ въ чемъ дѣло! Далѣе, негодующій Моцци приводитъ другую, тягчайшую, пожалуй: что они — де „ottenero in fatti che fossero nuovamente sbanditi i Gesuiti“ (исходатайствовали [у правительства], чтобы іезуиты были изгнаны)!

Я позволилъ себѣ остановить вниманіе читателя на этихъ подробностяхъ, доказывающихъ, что яansenизмъ, въ которомъ обви-

¹⁾ Storia delle rivoluzioni della Chiesa d'Utrecht. Dal Conte Mozzi Venezia 1787).

няють утрехтцевъ, тутъ ни при чемъ; все дѣло въ томъ, что они не признають власти папы, когда онъ нарушаетъ каноны, и противятся іезуитамъ! Если эти доказательства виновности утрехтцевъ могутъ казаться серьезными папистамъ, то едва ли они могутъ быть признаны за таковыя нами, православными, виновными въ тѣхъ же и еще гораздо тягчайшихъ „грѣхахъ“.

Перехожу ко второму вопросу: епископы Рейнкенсъ и Герцогъ рукоположены однимъ епископомъ (и инфулатомъ), а не тремя, какъ принято у насъ. Позволю себѣ остановиться также и на этомъ, не лишенномъ важности вопросѣ. Я уже писалъ о немъ, но съ тѣхъ поръ получилъ нѣкоторыя авторитетныя подтвержденія моихъ аргументовъ. Дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Мы, православные, безусловно признаемъ римско-католическія посвященія всѣхъ трехъ духовныхъ степеней, принимаемъ безпрепятственно въ нашу церковь римско-католическихъ діаконовъ, священниковъ и епископовъ. Ясно стало быть, что латинскій ритуаль признается нами законнымъ (по крайней мѣрѣ, когда дѣло идетъ о духовныхъ лицахъ латинской церкви). Что же оказывается?— На основаніи римскаго каноническаго права поставленіе епископа *однимъ* епископомъ вполне законно и дѣйствительно! Однимъ изъ авторитетнѣйшихъ латинскихъ канонистовъ считается Перманедеръ. На стр. 410 его Handbuch des gemeingiltigen catholischen Kirchenrechtes (4-е изданіе Зильбернагеля 1865) сказано: „doch ist die Assistenz zweier Bischoefe, oder Aebte, nicht nothwendig zur Gültigkeit (validitas) der Weihe“, т. е. „однако содѣйствіе двухъ епископовъ, или аббатовъ, не необходимо для дѣйствительности посвященія“. Кажется ясно? Впрочемъ, вотъ и еще болѣе вѣскій, такъ сказать „непогрѣшимый“ аргументъ: булла папы Льва XII „Impensa“ (26 мар. 1824). Тамъ сказано „Novus Episcopus consecrabitur assistentibus duobus Episcopis, et in eorum defectu duobus praelatis ¹⁾... vel his quoque deficientibus duobus presbyteris e regni clero“ (т. е. „новый епископъ долженъ быть рукополагаемъ при содѣйствіи двухъ епископовъ, а за неимѣніемъ таковыхъ— при содѣйствіи двухъ прелатовъ... или за неимѣніемъ и тако-

¹⁾ Замѣчу, что вѣдъ и прелатъ не епископъ, а тоже лишь священникъ.

выхъ—двухъ пресвитеровъ изъ духовенства области“). Стало быть по римско-католической теоріи посвященіе Рейнкенса и Герцога вполне дѣйствительно (*valida*)¹⁾; а такъ какъ мы признаемъ вполне законными, дѣйствительными латинскія рукоположенія, то слѣдовательно мы имѣемъ полное основаніе признать и рукоположеніе обоихъ старокатолическихъ епископовъ вполне законнымъ. Вопросъ этотъ (о числѣ рукополагающихъ епископовъ) на востокѣ рѣшается иначе, нежели на западѣ: у насъ принято рукоположеніе епископа совершать тремя епископами; но это число совсѣмъ не безусловно. Въ одной очень авторитетной богословской газетѣ было упомянуто, что я тщетно старался доказать это положеніе; думаю, что я *могу* его доказать. Таинство совершается *однимъ* человѣкомъ, однимъ епископомъ. Остальные имѣютъ значеніе не совершителей таинства, а лишь свидѣтелей правильности его совершенія. Мнѣ кажется, съ этимъ толкованіемъ трудно не согласиться. Развѣ благодать недостаточно передается посредствомъ одного лица? Вѣдь во всѣхъ другихъ таинствахъ дѣйствуетъ же одно лицо! Почему же здѣсь пужно болѣе? Разъясняется дѣло 2-мъ правиломъ халкидонскаго собора, гдѣ сказано: „Аще который епископъ за деньги рукоположеніе учинить и непродаемую благодать обратить въ продажу и за деньги поставитъ епископа“... Это указаніе въ особенности важно: изъ него явствуетъ, во 1-хъ, что въ половинѣ V-го столѣтія рукоположенія могли совершаться однимъ епископомъ и что при этомъ могъ произойти подкупъ. Вотъ для предотвращенія этого подкупа, или по крайней мѣрѣ для затрудненія его и введены другіе епископы. Этимъ же объясняется и постоянное колебаніе въ числѣ этихъ епископовъ-свидѣтелей. Никейскій соборъ говоритъ, что епископа поставлять наиболѣе прилично *всѣмъ* епископамъ области, „аще сіе неудобно—по крайней мѣрѣ тремъ“. Арелатскій соборъ требуетъ *семь* епископовъ. 1-е правило св. апостоль говоритъ о *двухъ или трехъ*. Наконецъ, что число *три* необязательно, высказываетъ наиболѣе авторитетный документъ изъ всѣхъ новѣйшихъ авторитетныхъ кано-

¹⁾ Того же мнѣнія и кард. Маннингъ, давшій «*Imprimatur*» римско-католическому словарю Аддиса и Арнольда. 1885.

ническихъ документовъ, а именно окружное посланіе восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ 1723-го года. Правило гласитъ: „...священникъ рукополагается епископомъ, а епископъ... по правилу апостольскому *двумя* или *тремя* архіереями“ (членъ 10).

Недоброжелательство къ уменьшенію числа *трехъ* основано у насъ на соображеніяхъ совершенно особаго свойства. Нѣкоторые думаютъ, что, допустивъ возможность рукоположенія не тремя, а однимъ епископомъ, мы *implicite* допустимъ и возможность признанія рукоположенія Амвросія Бѣлокриницкаго. Но эти опасенія ни на чемъ не основаны; ибо, въ *этомъ* случаѣ, незаконность всѣхъ дѣйствій Амвросія состоитъ въ томъ, что, переходя въ расколъ, онъ совершенно сознательно и кощунственно и притомъ торжественно отвергъ ту церковь, которая дала ему епископскій санъ, признавъ ее еретическою, а стало быть и всѣ ея дѣйствія — лишенными благодати и недѣйствительными. И въ нашей православной церкви есть примѣры посвященія епископовъ однимъ епископомъ, и это раскольники знаютъ очень хорошо. Что эти дѣйствія совершались внѣ принятыхъ у насъ правилъ, по нуждѣ, это тоже имъ извѣстно, — они и дѣйствія Амвросія обставляли этимъ условіемъ (крайней необходимости). Но, повторяю, незаконность и недѣйствительность его дѣйствій основана не на томъ, что онъ одинъ посвящалъ епископовъ для раскола, а на томъ, что, переходя въ расколъ, онъ уничтожилъ законность и своего собственнаго сана. Онъ самъ, стало быть, впалъ въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ саномъ, былъ его фактически лишенъ, не могъ имъ пользоваться. Онъ самъ себя разстригъ, — вотъ причины незаконности и недѣйствительности его дѣйствій.

Но, повторяю, все, что бы мы ни сказали съ нашей точки зрѣнія, все это не имѣетъ мѣста при оцѣнкѣ посвященія старокатолическихъ епископовъ, ибо совершеніе таинства произошло въ церкви западной, а слѣдовательно и должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія западной; а въ *этомъ* отношеніи оно, какъ мы видѣли, было совершенно правильно. Впрочемъ на западѣ вопросъ этотъ прежде не могъ бы и подняться: вѣдь самъ папа Григорій Великій, который и для насъ великій авторитетъ, признавалъ, что посвященіе

епископа однимъ епископомъ законно, хотя (въ отвѣтахъ Августину, въ Британнію) говорилъ, что присутствіе 3-хъ и 4-хъ епископовъ „valde utilis“ (очень полезно) съ точки зрѣнія свидѣтелей (qui testes assistant) ¹⁾. Что съ точки зрѣнія римско-католической не было въ этомъ дѣлѣ ошибки, доказывается уже и тѣмъ, что со стороны Рима *по этому поводу* не было и попытки придраться къ посвященію Рейнкенса.

Я вкратцѣ рассказалъ исторію возникновенія и устройства старокатолицизма съ его внѣшней стороны. Для насъ этого, конечно, недостаточно; для того, чтобы рѣшить, какъ намъ самимъ слѣдуетъ относиться къ нему, необходимо вникнуть въ его догматическое ученіе, посмотрѣть, правильно ли оно. Рѣшеніе этого вопроса обуславливаетъ и дальнѣйшія наши къ нему отношенія. Къ счастью, для сего у насъ имѣются данныя самыя положительныя и ясныя, дающія намъ возможность отнестись къ нему вполне сознательно и объективно. Вопросъ этотъ крайне важенъ, отъ его рѣшенія завясятъ и всѣ дальнѣйшія наши отношенія къ старокатолицизму. Ежели окажется, что *догматическое* ученіе старокатоликовъ *неправильно* и что они не могутъ его *измѣнить*, то конечно намъ придется отказаться отъ идеи воссоединенія, ибо *какъ бы она ни была привлекательна сама по себѣ, какъ бы ни была она дорога, намъ всетаки нельзя пожертвовать для ея достиженія ни малѣйшей частью, ни малѣйшей іотой нашего догматическаго ученія*. Это—внѣ всякаго сомнѣнія.

Впрочемъ никто и не ждалъ отъ насъ никакихъ уступокъ и не будетъ просить ихъ, такъ какъ, насколько мнѣ дѣло это извѣстно (а я занимаюсь имъ болѣе двадцати лѣтъ), догматическое ученіе старокатоликовъ вполне совпадаетъ съ ученіемъ древней нераздѣленной церкви, а стало быть и съ нашимъ. Въ виду важности дѣла я позволю себѣ подольше остановиться на немъ.

Въ 1872 году, какъ выше объяснено, въ С.-Петербургѣ, съ благословенія св. Синода, было основано отдѣленіе московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Одною изъ цѣлей

¹⁾ Guettée T. V. Pag. 401.

сего общества, какъ и значилось въ опредѣленіи св. Синода отъ 7-го марта 1872 года, было: „*поддерживать поборниковъ православнои истины за-границею*“. Общество это, считавшее въ своей средѣ не только лицъ высокопоставленныхъ въ іерархіи духовной и свѣтской, но и ученѣйшихъ богослововъ, съ перваго же года своего существованія вошло въ прямыя сношенія съ старокатоликами, которые немедленно начали хлопотать о сближеніи съ православными, о томъ, чтобы мы изучили ихъ вѣроученіе, а затѣмъ подумали и о воссоединеніи съ ними, на основаніи принциповъ древней нераздѣленной церкви. Въ отвѣтъ на эти ходатайства при обществѣ любителей духовн. просвѣщенія была составлена спеціальная комиссія. Она состояла изъ протоіерея І. В. Васильева, архимандрита Хрисанеа, Т. И. Филиппова, и профессоровъ И. Т. Осинина, И. А. Чистовича, А. Л. Батанскаго и И. В. Чельцова. Полагаю, что компетентность этихъ лицъ въ изслѣдованіи вѣроисповѣдныхъ вопросовъ едва-ли кѣмъ либо будетъ оспариваться. Старокатолики также избрали комиссію для сношеній съ православною церковью по вопросу о соединеніи (für die Unionsangelegenheiten): членами ея были D-ges Лангенъ, Кюндтъ (нынѣ умершій) и Рейшъ. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе объ избраніи этой комиссіи, *по указанію* и *подъ наблюденіемъ* совѣта общества, мною было написано письмо къ предсѣдателю комиссіи старокатоликовъ проф. Лангену, въ которомъ было, между прочимъ, сказано слѣдующее: „...Объ значительнѣйшія попытки соединеній, въ Ліонѣ и Флоренціи, не удались, да и не могли удалиться между прочимъ и потому, что тогда религію заставляли служить исключительно человѣческимъ цѣлямъ, что изъ нея хотѣли сдѣлать политическое орудіе. Никакихъ подобныхъ препятствій намъ, въ настоящее время не представляется; да будетъ отъ насъ далеко *всѣ*, что не принадлежитъ къ чисто религіозной области. Мы надѣемся увидѣть возстановленіе западной, православной, автокефальной церкви, надѣемся оказать этому событію посильную помощь. Эта возстановленная западная церковь была бы *eo ipso* съ нашею—„едино“ Каждая изъ этихъ церквей могла бы удержать свои мѣстныя (національныя) особенности, насколько особенности эти соотвѣтствуютъ

характеру народа,.. конечно не нарушая притомъ догматическаго единства и не противорѣча ученію вселенской церкви... О соединеніи въ юридическомъ, ультрамонтанскомъ смыслѣ, подъ чьимъ бы то ни было главенствомъ кромѣ Іисуса Христа, конечно не можетъ быть и рѣчи. Посему это единеніе не было бы ни сплавливаніе (смѣшеніе—„Verschmelzung“) обѣихъ церквей, ни безцѣльный мирный договоръ между ними (zweckloser Vertrag). Источниками и основами предстоящихъ работъ должны быть приняты: 1) Священное Писаніе; 2) ученіе *вселенскихъ* соборовъ; 3) ученіе отцевъ церкви нераздѣленной (св. Преданіе согласное съ св. Писаніемъ). 4) Критеріемъ должно служить изреченіе св. Викентія Лиринскаго—quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est. 5) Методъ ислѣдованія принять историческій“. При этомъ письмѣ былъ приложенъ перечень важнѣйшихъ вопросовъ, въ которыхъ мы не согласуемся съ римскими католиками (съ указаніемъ православнаго ихъ пониманія). Вотъ этотъ перечень:

Разности догматическія.

I. *О церкви и ея Главѣ.* Одинъ Христосъ есть Глава церкви. Если же архіереи, управляющіе церквами, и именуются главами оныхъ, то сіе должно принимать въ такомъ смыслѣ, что они суть мѣстоблюстители Христовы, каждый въ своей области, и главы частныя. А Пастыреначальникъ есть Іисусъ Христосъ. Первенство, предоставленное въ древней церкви римскому епископу, было лишь первенствомъ чести—primus inter pares, и основано было не на божественномъ правѣ (не de jure divino), а лишь на гражданскомъ значеніи Рима, какъ царствующаго града. Послѣ отдѣленія западной церкви отъ восточной тоже первенство перешло къ патриарху вонстантинопольскому. *Только вселенская церковь, законно представляемая епископами, есть непогрѣшимая хранительница и истолковательница вѣры.*

II. *О Святомъ Духѣ.* Духъ Святой отъ вѣчности исходитъ отъ одного Отца, какъ источника и начала, Божества и посылается въ міръ Сыномъ.

III. *О Пресвятой Дѣвѣ Маріи.* Прародительскій грѣхъ распространился преемственно на все потомство Адама, такъ что нѣтъ ни одного изъ рожденныхъ по плоти, кто бы свободенъ былъ отъ этого бремени. Поэтому и Пресвятая Дѣва не была изъята отъ первороднаго грѣха, при своемъ зачатіи и рожденіи; но впоследствии была очищена отъ грѣха Духомъ Святымъ.

IV. *О добрыхъ дѣлахъ.* Въ силу искупительныхъ заслугъ Христовыхъ и при помощи благодати Божіей, человѣкъ приобретаетъ оправданіе подъ условіемъ вѣры, сопровождаемой добрыми дѣлами; но будучи оправданъ благодатию, человѣкъ не можетъ ни вѣрою, ни дѣлами своими *приобрѣтать себѣ заслугъ* передъ Богомъ.

V. *О грѣхахъ.* Подъ условіемъ вѣры и сердечнаго сокрушенія, человѣкъ черезъ таинство покаянія получаетъ отпущеніе грѣховъ, причемъ освобождается какъ отъ виновности, такъ и отъ наказаній за грѣхи свои силою искупительной благодати Христовой.

VI. *О загробной жизни.* Для душъ послѣ смерти есть *переходное состояніе*, въ которомъ онѣ до послѣдняго суда предвкушаютъ блаженство или муки. Въ этомъ состояніи на участь умершихъ могутъ, по милосердію Божію, имѣть вліяніе молитвы церкви и принесеніе безкровной жертвы.

Разности каноническія и обрядовыя.

I. *О Символѣ вѣры.* Символь никео-цареградскій, согласно 7-му правилу III-го вселенск. собора, долженъ навсегда оставаться неизмѣннымъ образцомъ вѣры, безъ всякихъ измѣненій и прибавленій, и потому внесенное западною церковью въ 8-й членъ прибавленіе *Filioque* незаконно, даже независимо отъ степени вѣрности и справедливости выражаемаго этимъ словомъ ученія.

II. *О таинствѣ крещенія.* Церковь православная, не отвергая силы крещенія совершаемаго черезъ обливаніе или окропленіе водою, признаетъ однако, что этотъ способъ совершенія таинства существовалъ въ древней церкви только въ видѣ исключенія.

Общимъ же и правильнымъ способомъ совершенія таинства слѣдуетъ признавать троекратное погруженіе.

III. *О таинствѣ миропомазанія.* Таинство миропомазанія можетъ быть совершаемо и епископами и священниками. Оно преподается обыкновенно тотчасъ послѣ крещенія, слѣдовательно и младенцамъ. Видимую его принадлежность составляютъ—миро, освященное епископами, слова: *печатъ дара Духа Святаго* и крестообразное помазаніе чела, очей, ноздрей, ушей, усть, груди, рукъ и ногъ крещаемого.

IV. *О таинствѣ евхаристіи.* Для таинства евхаристіи нуженъ *хлѣбъ квасный*. Преложеніе св. даровъ въ тѣло и кровь Іисуса Христа совершается черезъ *молитвенное призываніе Св. Духа* на предложенные дары во время произнесенія съ благословеніемъ словъ: *сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего*, и пр. Причащаться евхаристіи какъ духовные, такъ и мірскіе люди должны *подъ обоими видами* (sub utraque). И малыхъ дѣтей слѣдуетъ, за вѣру приносящихъ, сподоблять св. таинъ, въ освященіе душъ и тѣлесъ ихъ и въ принятіе благодати Господней ¹⁾).

V. *О таинствѣ покаянія.* Епитиміи, хотя по существу своему суть наказанія, но по значенію—наказанія только исправительныя, врачевныя, отеческія, точно такія, о какихъ говоритъ апостоль: его же любитъ Господь—наказуетъ (Евр. XII, 6).

VI. *О таинствѣ брака.* Ни иподіаконъ, ни діаконъ, ни

¹⁾ Не бесполезно замѣтить, что между нами и латинянами существуетъ значительная разница во взглядѣ на то, *кто* допускается къ евхаристіи. И тутъ, какъ и вообще въ каноническомъ правѣ западной церкви, допускаются разныя схоластическія различенія, Distinctiones. Такъ, напр., отвѣтственность за причащеніе иновѣрнаго падаетъ не на священника, дающаго причастіе, а на иновѣрное лицо, его принимающее, которое само должно-де знать, что оно дѣлаетъ; оно этимъ доказываетъ свою солидарность съ причащающимъ, а не обратно. Этимъ конечно очень натянутымъ, и для насъ нелѣпнымъ, разсужденіемъ (однако принятымъ на западѣ) объясняютъ старокатолики допущеніе къ причащенію нѣсколькихъ англиканъ. Конечно, этотъ порядокъ должно будетъ отмѣнить (онъ впрочемъ не имѣетъ ничего общаго съ intercommunio in sacris церковей и допускается лишь для частныхъ лицъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила).

пресвитеръ не имѣютъ позволенія, по совершеніи надъ ними рукоположенія, вступить въ бракъ. Но, если кто изъ поступающихъ въ клиръ захочетъ сочетаться съ женою, *тотъ пусть вступаетъ въ бракъ прежде рукоположенія.*

VII. *О таинствѣ елеосвященія.* Въ елеосвященіи врачуется душа болящаго отъ грѣховъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и *тѣло отъ болѣзней.* Таинство елеосвященія принимается одержимыми *сильною болѣзнію*; впрочемъ, не требуется такого изнеможенія силъ, чтобы больному не оставалось надежды на выздоровленіе. Елей для таинства освящается *пресвитерами*, совершителями таинства.

Вотъ тѣ пункты разногласія, которыя Общество люб. духовн. просв. выставило, двадцать лѣтъ тому назадъ, старокатоликамъ. Конечно, это теперь представляетъ лишь историческій интересъ, равно какъ и отвѣты, данные тогда проф. Лангеномъ, ибо теперь у насъ одна и таже догматическая почва (древней нераздѣленной церкви). Тогда чувствовалось, что старокатолики находятся еще въ плѣненіи у римскаго духа, что они, несмотря на то, что въ дѣйствительности (за исключеніемъ одного „Filioque“) уже очень къ намъ близки, прибѣгаютъ еще, какъ и мой почтенный оппонентъ, Е. К. Смирновъ, къ „наукѣ“, къ „богословію“, чтобы не провалиться. Особенный интересъ представляли послѣдующіе переговоры о „Filioque“, которые и у насъ (Сильвестръ) и у старокатоликовъ дали поводъ къ появленію цѣлыхъ интересныхъ сочиненій. Но все это отошло въ вѣчность; теперь у насъ догматъ одинъ и тотъ же, что конечно не исключаетъ возможности и права личнаго, свободнаго любознательствованія (для другихъ однако не обязательнаго).

Таково было начало нашихъ научныхъ сношеній. Нѣкоторые изъ существовавшихъ тогда разностей казались неодолимыми. Люди, которые не вдумались въ сущность религіи, которые смотрятъ на нее рационалистически, какъ на научную формулу, на собраніе схоластическихъ изреченій, конечно не могутъ понять трудностей, которыя долженъ преодолѣть вѣрующій, которому предстоитъ измѣнить тому, во что онъ привыкъ вѣровать, не могутъ себѣ представить той борьбы, которую ему приходится выдержать съ самимъ собою, прежде нежели отказаться отъ своего прошлаго.

Профессоръ гиссенскаго университета Каттенбушъ (одинъ изъ объективнѣйшихъ изслѣдователей восточной церкви) говоритъ, что западу очень трудно напр. отказаться отъ Filioque, сдѣлавшагося для него какъ бы вопросомъ чести (eine Ehrensache), въ которомъ ему уступить нельзя. И однако старокатолики теперь и въ этомъ уступили, и читаютъ символъ вѣры безъ Filioque. Та-же участь постигла и другія догматическія разности и ихъ между нами нѣтъ, остаются лишь второстепенныя разности каноническія, о которыхъ сговориться будетъ, нужно надѣяться, не трудно, равно какъ и о тѣхъ взглядахъ, которые старокатолики унаслѣдовали еще отъ Рима (разныя казуистическія толкованія, distinctiones, отзываются средневѣковой схоластикой, въ родѣ приведеннаго выше по вопросу о причащеніи инославныхъ).

Базалось бы, такими результатами (т. е. тождествомъ догматическаго ученія) можно бы вполне удовлетвориться; есть однако люди, которые одарены, если можно такъ выразиться, инквизиторскими свойствами, не вѣрятъ очевиднымъ фактамъ и положительнымъ словамъ, а стараются заподозрить мнѣнія своего ближняго. Они напоминаютъ извѣстнаго прокурора временъ 1-й французской революціи—Фукье-Тенвиля, заканчивавшаго иногда свои обвинительныя рѣчи такой фразой: „доказательствъ преступности обвиняемаго у меня нѣтъ, но если онъ и не совершилъ преступленія, то онъ въ состояніи его совершить“ (S'il ne l'a pas fait—il en est capable!). Въ данномъ случаѣ эта фраза измѣнится такъ: такой-то богословъ, или просто христіанинъ, дѣйствительно признаетъ и исповѣдуетъ такой-то догматъ, но можетъ быть онъ, при этомъ, объ этомъ догматѣ про себя думаетъ еще что нибудь! Я встрѣчалъ подобныя мнѣнія при обсужденіи даже такихъ догматовъ, которые остаются неясными и для глубочайшаго психолога, несмотря на то, что сотни ученыхъ объ нихъ говорили и писали. Укажу на извѣстный примѣръ: въ западной церкви цѣлыя столѣтія разсуждали и спорили объ отношеніяхъ между свободой чловѣка и предопредѣленіемъ. Споръ начался давно—пререканіями между бл. Августиномъ и Пелагіемъ, въ немъ принимали участіе крупнѣйшіе богословы запада, великіе отшельники Портъ-Рояля. Представленный на раз-

смотрѣніе папъ Климента VIII и Павла V-го подъ названіемъ спора томистовъ и молинистовъ, онъ и непогрѣшимыхъ папъ поставилъ въ тупикъ. Споръ этотъ продолжается и до сего времени, раздѣляя принципиально римское католичество отъ протестантства. Неужели мы потребуемъ, чтобы и о немъ былъ представленъ трактатъ всякимъ присоединяющимся къ нашей церкви? Предположимъ, что кто либо явится къ намъ, и скажетъ: я принимаю его въ православномъ смыслѣ, т. е. вѣрю, что Господь „ихъ-же предъзна, тѣхъ и предъстави“. Неужели намъ этого будетъ недостаточно, неужели намъ необходимо будетъ потребовать отъ него кромѣ простого катихизическаго отвѣта еще ученаго богословскаго разсужденія о его *мысліяхъ*? Едва ли мы поступимъ благоразумно, заявляя такія требованія! Много ли и православныхъ въ состояніи будутъ выдержать такой экзамень? Да и чѣмъ будетъ руководствоваться самъ экзаминаторъ?—Позволю себѣ привести другой, еще болѣе извѣстный примѣръ—вопросъ о „Filioque“. Прежде всего: Въ какомъ положеніи находится вопросъ этотъ у старо-католиковъ? По моему — *ни въ какомъ! его не существуетъ; онъ рѣшенъ и „сданъ въ архивъ“*. Гдѣ находится „Filioque?“—У латинянъ, у англиканъ, но не у старо-католиковъ: его нѣтъ ни въ ихъ символѣ, ни въ ихъ катихизисѣ! Почему бы намъ не ограничиться „констатаціею“ такого утѣшительнаго положенія дѣль? Имѣемъ ли мы причину, скажу болѣе—имѣемъ ли мы право идти далѣе, требовать большаго? Думаю—что *нѣтъ!* Представимъ себѣ, что кто-либо вздумалъ бы переспрашивать насъ, чадъ православной Церкви, что мы думаемъ о догматѣ, относящемся до Св. Духа? о причинѣ бытія третьей ипостаси Св. Троицы, а равно и объ отношеніяхъ третьей ипостаси ко второй? Полагаю, что большинство изъ насъ не мало смутится отъ такого вопроса! Нѣкоторые, вспомя восьмой членъ символа вѣры, скажутъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца и что Онъ, совмѣстно съ Отцемъ и Сыномъ споклоняемъ и славимъ; кто по-ученіе — вспомнить слова І. Христа о томъ, что Онъ посылаетъ Его въ міръ... болѣе сего едва ли скажетъ человекъ сбыкновеннаго, средняго образованія. Да такой отвѣтъ, будетъ, мнѣ кажется, и вполне удвлетворителенъ. Я и самъ объ

этомъ *догматъ* большаго сказать не съумѣю! Полагаю, что и Церковь моя, какъ и мое христіанское сознаніе, вполне удовлетворяется такимъ, хотя и элементарнымъ, но „довлѣющимъ“ отвѣтомъ. Но затѣмъ, для ученыхъ богослововъ, для специалистовъ вопросъ этотъ, какъ *предметъ для ихъ мудрствованія*, остается открытымъ во всей своей неизмѣримой глубинѣ, со всѣмъ своимъ живымъ интересомъ *Дѣйствительно*: можно ли не интересоваться, я не говорю ученому, но и просто культурному человѣку такимъ вопросомъ, которому посвящали свои думы величайшіе мыслители христіанскаго міра!? Позволю и себѣ высказать о немъ свое *мнѣніе*, *opinionem privatam*; оно представитъ нѣкоторый интересъ въ виду того, что, если мнѣ не измѣняетъ моя память, мнѣніе это раздѣляется многими выдающимися старо-католиками. Таково было ихъ мнѣніе при самомъ началѣ ихъ конференцій (1872—74 года). Мнѣ дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ: Христосъ учить насъ, что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, что Утѣшителя этого, Духа Истины, Онъ пошлетъ на землю. Затѣмъ, Христосъ дѣйствительно и посылаетъ Его, осуществляя Свое обѣщаніе внѣшнимъ, матеріальнымъ образомъ, какъ бы *материализуя Свое ипостасное свойство посланія*. Вотъ все, что мы находимъ въ Св. Писаніи; большаго намъ не сообщаетъ (въ смыслѣ обязательнаго догматическаго ученія) и сама Церковь. Но на этомъ дѣло не останавливается, передъ нами открывается безграничное поле *умозрѣнія, науки*: ученія разныхъ богословскихъ школъ, отдѣльныхъ богослововъ, наши собственные мнѣнія, посланія разныхъ автокефальныхъ церквей и т. п. все это конечно крайне интересно и достойно изученія, хотя и не обязательно (обязательно только ученіе вселенской церкви). Весь этотъ богатѣйшій матеріалъ мы можемъ обрабатывать совершенно свободно, хотя эта свобода и не безгранична. Что же въ данномъ вопросѣ дозволительно думать, *не впадая въ ересь*? Дозволительно, мнѣ кажется, слѣдующее: попытаться объяснить отношеніе между *фактомъ* посланія св. Духа и самимъ *существомъ посылающаго* (Христа). Въ этомъ вѣдь и заключается *сущность* ученія о „*Filioque*“. Далѣе дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: дѣйствія *человѣка* ограничи-

ваются мѣстомъ и временемъ, мы не можемъ даже и представить себѣ нашихъ дѣйствій внѣ этихъ двухъ условій. Но очевидно, что эти условія, эти ограниченія для Бога не существуютъ, ибо Онъ вездѣсущъ и вѣченъ, для Него нѣтъ ни времени, ни мѣста. Всѣ Его свойства и особенности тоже вѣчны и неизмѣнны, искони существовали и искони другъ друга пополняли. Не было времени, говорить Іоаннъ Дамаскинъ, когда бы Отцу недоставало Слова, а Слову—Св. Духа; мы не можемъ себѣ и представить такого состоянія Божественныхъ Ипостасей, въ которыхъ бы Ихъ *отношенія, силы и свойства* были въ различныя времена различны. У человѣка можетъ явиться вдругъ, вновь, какое-либо свойство, какая-либо способность, прежде у него не бывшія, ему недостававшія. О лицахъ Св. Троицы мы этого очевидно сказать не можемъ. Поэтому, если Христосъ, въ 33-мъ году, послалъ въ міръ Св. Духа, то очевидно эта способность, это свойство принадлежали Ему вѣчно, были Ему „*имманентны*“, присущи, и отъ Него не отдѣлимы. Вотъ въ какомъ видѣ (думаю—совершенно правильно) представляется старо-католикамъ участіе Сына въ изведеніи Св. Духа. Полагаю, что такимъ толкованіемъ не нарушается обязательное для православныхъ догматическое ученіе православной Церкви, что такое *частное мнѣніе* (*opinio privata*) безусловно законно и допустимо. Все это я привелъ въ подтвержденіе моего мнѣнія, что при разсмотрѣніи догматическихъ вопросовъ слѣдуетъ довольствоваться *простыми отвѣтами чисто догматическаго характера*, какъ то практикуется и теперь церковью въ отношеніи инославныхъ, переходящихъ въ православіе.

Я весьма далекъ отъ мысли приравнивать къ придирчивымъ казуистамъ всѣхъ тѣхъ, которые слишкомъ осторожно относятся къ вопросу о сношеніяхъ нашихъ съ старокаатоликами. Я и самъ относился и отношусь къ этому дѣлу крайне „*опасливо*“, именно потому, что вполне понимаю его огромное значеніе, потому что вижу въ немъ задатки великой важности для будущихъ судебъ человѣчества, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько человѣчество будетъ впредь доступно влиянію религіи. Я отношусь враждебно къ тѣмъ, которые желали бы помѣшать этому дѣлу только во избѣ-

жаніе лишней работы, выходящей изъ обыденной рамки, къ тѣмъ буквоѣдамъ, которые ставятъ слово выше его смысла, но далеко не къ тѣмъ, которые хотятъ изслѣдовать мельчайшія подробности дѣла, для которыхъ оно можетъ быть столь же дорого, какъ и для меня самого. Я былъ бы очень счастливъ, если бы именно тѣ лица, которыя, *сочувствуя мысли о возсоединеніи церквей*, считаютъ однако такое соединеніе слишкомъ труднымъ, или опаснымъ въ какомъ нибудь отношеніи, или преждевременнымъ и т. п., высказали свои сомнѣнія на страницахъ пріютившаго меня академическаго органа. Можетъ быть я, хотя и не будучи богословомъ спеціалистомъ, былъ бы въ состояніи разсѣять эти сомнѣнія, или, по крайней мѣрѣ, былъ бы въ состояніи дать нѣкоторые матеріалы для нужныхъ разъясненій. Добавлю, что вопросъ о сближеніи и соединеніи съ старокатоликами—въ нашихъ рукахъ. Отъ насъ зависитъ рѣшить его просто, похристіански, или суетно и формально—пораскольничьи.

Прежде нежели перейти къ разсмотрѣнію вопроса о самомъ возсоединеніи, о его значеніи и условіяхъ, о томъ, въ чемъ это возсоединеніе должно въ сущности состоять, я остановлюсь на одномъ возраженіи, сдѣланномъ мнѣ о. Е. К. Смирновымъ; оно не личнаго характера и поэтому заслуживаетъ вниманія, да и не одинъ мой оппонентъ можетъ его сдѣлать, но и всякій другой православный, не вполне знакомый съ дѣломъ старокатоликовъ, или знакомый съ нимъ лишь по наслышкѣ, не изъ первыхъ рукъ. Прот. Смирновъ утверждаетъ, что старокатолики и не желаютъ съ нами соединяться. Выходитъ нѣчто совершенно неожиданное и даже комичное! Какъ? въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ Общество любителей духовнаго просвѣщенія, въ которомъ засѣдаютъ и первоклассные ученые и сановники, и тогдашній и будущій обер-прокуроры св. Синода, ведетъ съ старокатоликами серьезнѣйшіе переговоры о соединеніи и не замѣчаетъ того, что они ничего подобнаго и не желаютъ, хотя и ходатайствуютъ объ этомъ (и продолжаютъ ходатайствовать до сихъ поръ, слишкомъ 22 года).

Нѣтъ! смѣю завѣрить, что старокатолики пламенно и *искренно* этого желаютъ. Состоится, или не состоится когда либо соединеніе

старокатоликовъ съ восточными православными церквами — это дѣло въ рукѣ Божіей: предопредѣлялъ ли Господь, что начало этому воссоединенію будетъ положено нынѣ, захочетъ ли вступить Единный Пастырь въ управленіе единой паствой уже теперь, или же допустить Онъ еще большія ошибки запада (одна ошибка имъ еще не сдѣлана—провозглашеніе папской безгрѣховности), допустить ли Онъ еще большее разъединеніе, этого я конечно не знаю, но что къ воссоединенію съ нами всею душою стремятся старокатолики—это несомнѣнно ¹⁾! Несомнѣнно и то, что переговоры о воссоединеніи церквей и возможны только при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нынѣ находятся переговаривающіеся. Двѣ великія попытки воссоединенія, въ Лионѣ (1274) и во Флоренціи (1439), были гораздо болѣе дипломатическими конгрессами, нежели церковными соборами, религія играла жалкую роль подставнаго лица, служившаго ширмами безсовѣстному торгу святыней. Въ настоящее время ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ: бѣдныя старокатолики кромѣ своей любви и своей учености ничего намъ не могутъ принести и мы имъ никакихъ благъ мірскихъ дать не можемъ. Я впрочемъ буду имѣть случай еще разъ остановиться на этомъ вопросѣ.

Итакъ—что значитъ воссоединеніе церквей, въ чемъ оно состоитъ?

Не разъ случалось, что люди, долго и много толкующіе объ одномъ и томъ же предметѣ, подъ конецъ спора замѣчаютъ, что они понимаютъ его совершенно различно, такъ что и споръ о немъ невозможенъ. Я имѣлъ случай замѣтить это въ моей полемикѣ съ Е. К. Смирновымъ. Повидимому мы подъ словомъ воссоединеніе разумѣемъ два совершенно различныя понятія. Это понятіе очень сложное: постараюсь выяснитъ его значеніе, раздѣливъ его на составныя части. Что значитъ воссоединеніе церквей вообще, когда оно возможно, въ чемъ должно состоять именно воссоединеніе старокатоликовъ съ автокефальными церквами востока? Въ виду важ-

¹⁾ Еще недавно на люцернскомъ конгрессѣ профессоръ Фридрихъ, другъ и сотрудникъ Деллингера, обращаясь къ конгрессу и преимущественно къ намъ, православнымъ, при всеобщемъ, горячемъ одобреніи повторилъ стародавнее желаніе всѣхъ старокатоликовъ войти съ нашими церквами въ оффиціальныя сношенія.

ности дѣла, позволю себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Великое значеніе этого дѣла очевидно, его нечего доказывать: всякій мало мальски знакомый съ исторіею, знаетъ, что значить религіозная вражда, сколько она породила бѣдъ и несчастій. Всякому ясно, какое благотворное вліяніе имѣла бы церковь Христова, если бы она была едина. Да кто же противъ этого спорить? скажутъ мнѣ: это дѣло превеликой важности, вѣдь объ этомъ постоянно молится и сама наша православная церковь, чего же болѣе? *будемъ ждать!* Дѣйствительно, всѣ мы объ этомъ молился ¹⁾, но искренно ли мы молился? *много ли нами содѣлано въ этомъ направленіи?* Изъ всѣхъ произносимыхъ нами молитвъ, это едва ли не та, которая произносится нами наиболѣе формально. Въ подтвержденіе этой высокой молитвы мы *ничего* не дѣлаемъ! а отъ чего?—причинъ много, и весьма грустныхъ. Одна изъ нихъ то, что *«это очень трудно!»* Конечно трудно! Да развѣ Богъ оставитъ насъ безъ Своей помощи, если Онъ увидитъ, что мы дѣйствительно серьезно беремся за это Его святое дѣло, что мы не устами одними молимся, но и сердцемъ! Но Богъ конечно не захочетъ помочь намъ, если мы сами и пальцемъ не движемъ для того, чтобы исполнить то, о чемъ Его просимъ. Мы ужасные скептики, критики, первое наше движеніе отнестись отрицательно къ новому явленію, къ новой мысли, часто даже заподозрить, высмѣять того, кто является ея носителемъ, ея защитникомъ. Хотя бы въ *этомъ* святомъ дѣлѣ мы поступили иначе!

Что же значить воссоединиться съ церковью, и при какихъ условіяхъ воссоединеніе можетъ состояться? Отвѣчать на это какъ будто и не трудно. Воссоединиться съ церковью, значить возстановить съ нею прежнее порванное ея ересью или схизмой единство. А условіе для такого воссоединенія — православность ея ученія и законность ея іерархіи. Но это отвѣтъ общій, теоретическій, на практикѣ онъ вызываетъ необходимость значительныхъ поясненій и толкованій, потому что, какъ это ни странно, на него, если поставить его конкретно, и православные не всѣ отвѣтятъ одинаково; а это происхо-

¹⁾ Такъ по крайней мѣрѣ разумѣетъ эту молитву Св. Синодъ въ посланіи Сорбоннѣ.

дять отъ того, что и на самую сущность православія у насъ не всё смотрять одинаково. Нѣкоторые православные колеблются между двумя крайними, противоположными отвѣтами, становясь то на римско-католическую почву, то на протестантскую. Римско-католикъ, послѣдователь теоріи безусловнаго авторитета, отвѣтитъ очень просто: «православною истиной я признаю то, что говоритъ папа, когда онъ, какъ таковой, высказываетъ свое сужденіе о вѣрѣ или нравственности». Протестантъ, послѣдователь теоріи безусловной свободы, отвѣтитъ тоже очень просто: «православною истиной я признаю ту, которую я нахожу въ свящ. Писаніи». Отвѣтъ для православнаго не столь простъ. Для него носитель непреложной истины — ни папа, ни его собственная совѣсть, его личное религиозное сознаніе. Носитель его религиозной истины есть *вся церковь*, для него безусловно истинно то, чему вѣровали всё, всегда и вездѣ; но для того, чтобы дать такому отвѣту конкретное значеніе—нужно кое-что знать; отсюда возможность неодинаковыхъ отвѣтовъ.

Мы часто и не безъ основанія повторяемъ, что мы вѣрные представители «древняго православія», древней вѣры, установленной Христомъ и вселенской церковью, утвердившей свою догму въ первые вѣка нашей эры на семи вселенскихъ соборахъ. Въ этомъ мы правы и этого взгляда мы и должны придерживаться. Догматы нераздѣленной церкви и составляютъ тѣ «*necessaria*», безъ которыхъ не можетъ существовать и «*unitas*». Эта православность догмата, конечно соединенная съ апостольскимъ преемствомъ, и составляетъ признакъ и условіе (единственно необходимые признакъ и условіе) православности всякой церкви. Вотъ, стало быть, и тотъ критерій, который слѣдуетъ приложить къ старокатоликамъ. Но, какъ сказано выше, такимъ простымъ способомъ нѣкоторые не довольствуются. Ихъ требованія не ограничиваются сферою догмата. Не хочу ихъ винить, заподозривать ихъ искренность. Мы всё привыкли смотрѣть на свою религію, на свою церковь, какъ на нѣчто цѣльное, нераздѣлимое, коего всё части одинаково цѣнны и важны, одинаково намъ дороги! Отношенія наши къ Богу и ближнимъ обставлены извѣстными внѣшними, матеріальными фор-

мами, къ которымъ мы привыкли, которыми мы дорожимъ, въ которыхъ выражаются наши національныя особенности и отражается вся наша культура. Этимъ формамъ мы часто даже придаемъ болѣе значенія, нежели догматамъ, т. е. той идеѣ, которой онѣ служатъ выраженіемъ, случайной, внѣшней оболочкой! На эту удочку попались наши несчастные уніаты (на нее же кажется папа намѣренъ изловить и болгаръ). Чувство это совершенно естественно, невольно. Религія не философская, раціоналистическая система, она не ограничивается однимъ умомъ, а захватываетъ всю душу человѣка, все его нравственное существо; понятно, что и внѣшнее выраженіе религіи, обрядо-церковный культъ носить ясный отпечатокъ народнаго характера и его особенностей и что каждый народъ дорожитъ своимъ обрядомъ. Понятно напр., что утонченный, философски настроенный византіецъ введетъ въ свой культъ много глубокаго символизма, страстный и изящный италіанецъ эпохи возрожденія введетъ въ него много торжественности, блеска часто театральнаго, понятно тоже, что какому нибудь строгому и суровому нуританину времяя Нокса все это покажется язычествомъ и діавольскимъ навожденіемъ. Но всѣ эти разности въ проявленіи религіознаго чувства, въ пониманіи одной и той же истины не должны мѣшать этимъ византійцу, италіанцу или шотландцу признавать одну и ту же истину, одинъ и тотъ же догматъ. Поэтому и было бы совершенно незаконно требованіе введенія однообразія и въ этой внѣшней формѣ религіи. Это значило бы принимать внѣшность за сущность, скорлупу—за плодъ, за ядро. Есть впрочемъ и образованные люди, которые впадаютъ въ эту ошибку (въ сущности—раскольническую). Это тѣ, которые за религію признаютъ лишь свойство, способность возбуждать извѣстное неопредѣленное туманно-религіозное настроеніе. Если бы въ *этомъ* состояла роль религіи, то по истинѣ роль эта была бы очень незначительная и жалкая. Нѣтъ; поскольку обрядъ не связанъ *по существу* съ догматомъ или съ таинствомъ, которому онъ служитъ оболочкою, онъ совершенно свободенъ; это признавалось и нераздѣленной церковью, и мы не имѣемъ ни повода, ни права насильственно вводить однообразіе тамъ, гдѣ оно не нужно и ни къ чему не поведетъ.

Считаю излишнимъ приводить примѣры въ подтвержденіе того, что разности въ обрядахъ не нарушаютъ единства церкви, даже весьма значительные (припомню разсужденія между св. Поликарпомъ смирсскимъ и папой Аникитой).

Итакъ, тѣ церкви, которыя исповѣдуютъ православное ученіе и обладаютъ апостольскимъ рукоположеніемъ, суть церкви православныя, и если ихъ внѣшность различна, то это нисколько не нарушаетъ ихъ внутренняго догматическаго единства, ибо онѣ одинаково православы по существу. Но мы, какъ и другіе народы, привыкли къ известнымъ формамъ, заслоняющимъ собою сущность дѣла и являющимся чѣмъ-то первенствующимъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то такимъ, безъ чего немислима и эта сущность. Вотъ почему нѣкоторымъ изъ насъ и кажется, что православный догматъ можетъ быть выражаемъ только однимъ образомъ, что онъ долженъ имѣть одинъ внѣшній видъ, одинъ обликъ и непремѣнно нашъ, восточный, а что напр. православія съ инымъ, съ западнымъ обликомъ и быть не можетъ. Но вѣдь прежде, тысяча лѣтъ тому назадъ это православіе съ западнымъ обликомъ существовало! нѣтъ причины, чтобы оно не появилось и снова, и дастъ Богъ,—оно снова и появится!

Вышесказаннымъ опредѣляется и понятіе о воссоединеніи церкви вообще и въ частности воссоединеніе старокатоликовъ съ нами. Многіе однако не довольствуются такимъ рѣшеніемъ дѣла. Они требуютъ еще, чтобы старокатолики совершили какое-то покаяніе въ какую-то новую православную Каноссу, чтобы они пришли къ намъ въ скорбномъ видѣ кающихся преступниковъ. Такъ напр. смотритъ на дѣло и мой почтенный оппонентъ. Онъ спрашиваетъ: признаютъ ли старокатолики авторитетъ нашей церкви, готовы ли они подчиниться ему? Признаюсь, я не вполне понимаю значеніе такого требованія. Что значитъ признать чей либо авторитетъ? въ чемъ? Единственный смыслъ, который можно найти въ такомъ требованіи, состоитъ въ слѣдующемъ: признаетъ ли старокатолицизмъ, что вселенская восточная церковь, когда дѣлаетъ постановленія о вопросахъ нравственности и догмата (устаами епископовъ, собранныхъ на вселенскомъ соборѣ и выражающихъ истинное вѣрованіе ихъ паствъ), изрекаетъ безусловную истину, обязательную для всѣхъ православ-

ныхъ? Такое требованіе имѣеть совершенно опредѣленный смыслъ; но въ утвердительномъ отвѣтѣ старокатоликовъ не можетъ быть сомнѣнія. Если бы старокатолики считали нашу церковь способною ошибаться въ этихъ вопросахъ, то они бы конечно къ ней и не обращались, ибо считали бы ее еретической, лишенной благодати. Точно также они не обратились бы къ намъ за помощію, если бы сомнѣвались въ законности нашей іерархіи. Повторяю, это требованіе, если его понимать въ какомъ либо иномъ смыслѣ, совершенно необъяснимо; да и форма его какая суровая! Это скорѣе грозный ультиматумъ, посылаемый непріятельскимъ генераломъ заморенному голодомъ гарнизону, нежели переговоры между христіанами. Намъ, православнымъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода давать дѣлу такой воинственный оборотъ, намъ нечего желать, чтобы старокатолики явились къ намъ съ повинною; намъ не нужно, чтобы они поступили къ намъ «подъ началь». Философскія положенія выражались иногда алгебраическими формулами; если бы и намъ пришлось выразить нашу мысль въ такой формѣ, она приняла бы слѣд. очень элементарный видъ: буквою А мы означимъ догматическое ученіе нашей церкви, буквою В—ученіе старокатоликовъ, и буквою С—ученіе древней церкви. Весь вопросъ сводится къ тому, чтобы доказать, что $A = C$ и $B = C$: очевидно, что если это будетъ доказано (а въ этомъ я не сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что для насъ нечего и доказывать, что $A = C$), то будетъ доказано, что и $A = B$. Болѣе не о чемъ и хлопотать; а что старокатолики счумѣють доказать, что $B = C$, въ этомъ я тоже не сомнѣваюсь. Конечно это будетъ лишь началомъ дѣла. Если бы мы убѣдились въ томъ, что старокатолики—православны, намъ пришлось бы еще сговориться объ этомъ и съ другими автокефальными церквами и преимущественно съ патріархами, ибо только при всеобщемъ согласіи автокефальныхъ церквей востока можетъ быть признанъ старокатолицизмъ—„православіемъ западнаго обряда“. Смѣю думать, что такая великая цѣль—достижима. Думаю еще, что если въ теченіе переговоровъ откроется, что въ догматическомъ ученіи старокатоликовъ найдется какое либо противорѣчіе съ ученіемъ древней церкви (чего я не полагаю), то они не задумаются сдѣлать нужное исправленіе.

Въ видахъ возможнаго разъясненія истины, всесторонняго ея обсужденія, я постараюсь сгруппировать соображенія, направленные противъ идеи воссоединенія съ старокатоликами, которыя мнѣ приходилось встрѣчать въ печати или въ разговорахъ. Начну съ аргументовъ моего оппонента—прот. Смирнова.

О. Смирновъ не разбираетъ догматическихъ разностей или тождества между ученіемъ старокатоликовъ и ученіемъ нашей церкви и церкви первыхъ 8 столѣтій; онъ обращается къ старокатоликамъ съ довольно неопредѣленнымъ обвиненіемъ въ томъ, что они вообще съ нами несогласны, что ихъ духъ другой, что направленіе ихъ науки—не схоже съ нашимъ. О. Смирновъ выражается такъ: „чего не можетъ дать церковь, даетъ намъ православная богословская наука“ (стр. 1284). Эта мысль очень серьезна и заслуживаетъ особаго обсужденія.

Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, я считаю необходимымъ напередъ оговориться насчетъ моихъ взглядовъ на богословскую науку и на тѣхъ, которые ей служатъ и ее преподають. Я считаю, что наука о Богѣ и о всемъ до Него относящемся представляетъ вообще величайшій интересъ, имѣетъ первенствующее значеніе, въ особенности въ Россіи, въ государствѣ, органически связанномъ съ церковью. Лично о себѣ могу сказать, что лучшими часами моей жизни я обязанъ занятіямъ богословіемъ. Русскихъ богослововъ я считаю призванными играть весьма важную роль въ развитіи русскаго народа, думаю, что многіе изъ нихъ стоятъ не ниже богослововъ иностранныхъ и отнюдь не ниже своихъ русскихъ собратьевъ, съ честію подвизающихся на другихъ ученыхъ поприщахъ; но все это не даетъ мнѣ повода въ *данномъ случаѣ* придавать богословской наукѣ то значеніе, которое придаетъ ему от. Смирновъ. Дѣло вѣдь идетъ о томъ: православны ли догматы старокатоликовъ, или нѣтъ? другими словами—возвратились ли они къ догматамъ древней нераздѣленной церкви, отбросили ли они римскія новшества? При чемъ тутъ богословская наука? На это, мнѣ кажется, должна дать отвѣтъ самая элементарная догматика, та, которую мы находимъ напр. въ катихизисѣ. Это дѣло не особенно сложное, во всякомъ случаѣ не особенно трудно рѣшить вопросъ:

отбросили ли старокатолики римскія новшества, или нѣтъ? Я далекъ отъ желанія устранить настоящее богословіе и настоящихъ богослововъ отъ обсужденія этихъ вопросовъ,—думаю напротивъ, что ихъ участіе въ этомъ дѣлѣ можетъ быть лишь очень полезнымъ; но я оспариваю ту мнимо-богословскую постановку, которую желаетъ дать этому дѣлу мой оппонентъ. Нѣтъ; тамъ, гдѣ молчитъ церковь, можетъ промолчать и наука. Когда дѣло идетъ о предъявленіи извѣстныхъ требованій къ присоединяющимся (сылаюсь на чинъ присоединяющихся изъ латинства) или когда слѣдуетъ провѣрить православность какого либо ученія, церковь не словоохотлива, не многорѣчива, какъ весьма вѣрно замѣчаетъ самъ от. Смирновъ, однако она всегда высказывается достаточно полно для того, чтобы можно было руководствоваться ея лаконическими изреченіями, довольствоваться тѣмъ, что она сказала. Повторяю, если старокатолики на нашъ вопросъ: „отбросили ли вы еретическія ученія Рима“, другими словами „тождественъ ли вашъ догматъ съ нашимъ“? отвѣтять: *Да!* и докажутъ это, то намъ нечего и искать чего либо иного! Мы со спокойной совѣстію можемъ этимъ и ограничиться. Во избѣжаніе недоразумѣній, а можетъ быть и праздныхъ споровъ (чтобы не сказать—„придирокъ“) я добавлю слѣдующее. Догматы составляютъ сущность ученія церкви, тѣ „necessaria“, безъ признанія коихъ нельзя считаться сыномъ церкви. Затѣмъ я признаю конечно, что къ этимъ necessaria необходимо должны относиться и тѣ каноны, *которые обусловливаютъ правильное примѣненіе догматовъ въ жизни* (обеспечивающіе ихъ вліяніе на жизнь народа) и тѣ обряды, *которые обусловливаютъ правильное совершеніе таинствъ*. Поясню это примѣромъ, относящимся до обряда: таинство крещенія установлено Самимъ Спасителемъ, давшимъ намъ формулу сего таинства: „крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа“. У нѣкоторыхъ протестантовъ Голландіи эту формулу относятъ къ несущественнымъ обрядовымъ частностямъ, видоизмѣняютъ ее и замѣняютъ призываніемъ или „Св. Троицы“ или просто „Бога“. Наши отношенія къ протестантамъ вообще не выяснены и поэтому я не знаю, какъ должно поступать при приѣмѣ лица, окрещеннаго такимъ образомъ, въ лоно нашей церкви? Полагаю, что его должно перекрестить, ибо при его

крещеніи опущена существенная часть таинства; но затѣмъ, у насъ принято погруженіе, на западѣ принято обливаніе. Какимъ образомъ окрестилъ Іоаннъ Креститель Самого Христа—въ Евангеліи не сказано, но извѣстно, что форма погруженія древнѣе и правильнѣе; однако мы признаемъ, что эта часть таинства не существенна и что обливанцы такіе же христіане, какъ и мы (у насъ на югѣ, въ Малороссіи, и между православными были „обливанцы“).

Я весьма далекъ отъ латитудинаризма, и очень жалѣю, что наша жизнь такъ часто расходится съ каноническимъ правомъ; но нельзя же приписывать всѣмъ канонамъ одинаковое значеніе (тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ позднѣйшаго происхожденія послѣ IX вѣка, и установлены не вселенской церковью). Повторяю: намъ, *въ данномъ случаѣ*, не слѣдуетъ идти далѣе того элементарнаго богословія, которое находится, скажемъ—въ катихизисѣ Филарета; т. е. идти далѣе краткаго изложенія догмата и органически связанныхъ съ нимъ канонѡвъ и обрядѡвъ. Если этимъ катихизисомъ довольствуется вся Россія (впрочемъ этотъ катихизисъ пользуется великимъ авторитетомъ и у грековъ), то, мнѣ кажется, его можно бы считать достаточнымъ и для старокатоликовъ, не прибѣгая къ помощи богословія для того, чтобы затемнить дѣло. Привожу этотъ примѣръ именно для того, чтобы показать, *какъ* я понимаю разграниченіе между наукой и догмой: Филаретъ былъ великій богословъ, и для того, чтобы написать его катихизисъ, нужно быть великимъ богословомъ; но чтобы руководствоваться этимъ катихизисомъ при изслѣдованіи православности какого либо вѣроученія, особенной науки, мнѣ кажется, не нужно. Въ виду важности дѣла, позволю себѣ остановиться на немъ еще нѣсколько.

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о догматахъ, о догматическомъ ученіи старокатоликовъ,—о томъ, правильно ли это ученіе? Это мы можемъ вполне рѣшить безо всякой „науки“, которую нѣкоторые реввители смѣшиваютъ съ догмой, съ суммой обязательныхъ для каждаго православнаго христіанина догматовъ. Смѣшивать догму съ наукой, или вылетать безъ необходимости науку въ догму—большая ошибка, могущая повредить обѣимъ; это двѣ вещи совершенно различныя, относящіяся, правда, къ одному и тому

же предмету (къ Богу и Его отношеніямъ къ человѣку), но различныя и по источнику, и по значенію, и по методу. *Источники догмы*—*Богъ*, Его откровеніе, выраженное или въ священномъ Писаніи или въ постановленіяхъ истинныхъ вселенскихъ соборовъ. *Источники богословія* — г-нъ профессоръ. Надѣюсь, что я достаточно опредѣленно высказалъ свое мнѣніе о значеніи богословской науки и ея носителей, чтобы позволить себѣ высказаться откровенно о тѣхъ изъ нихъ, которые, какъ бы подражая папѣ, тоже мнятъ себя непогрѣшимыми. Впрочемъ, это типъ и не русскій, я не встрѣчалъ его среди нашихъ богослововъ; это скорѣе типъ германскій, тотъ типъ, который Гете такъ мѣтко охарактеризовалъ двумя стихами:

Der Herr Professor ist eine Person!

Gott ist Keine.

Значеніе догмы безусловное, не подлежитъ нашей критикѣ, значеніе богословія *условное*, оно можетъ лишь служить для истолкованія догмы, для того, чтобы сдѣлать ее болѣе понятною для нашего ограниченнаго ума, и этимъ сдѣлать ее и болѣе приѣмною къ жизни.

Наконецъ они различны и по *методу изслѣдованія*. Догмать лишь „констатируется“, о немъ возможно лишь одно изслѣдованіе— *существуетъ ли такое или иное положеніе въ числѣ догматовъ, переданныхъ намъ нераздѣленной церковію, или нѣтъ?* Если оно въ нихъ находится, то оно догмать, обязательный для православнаго и не подлежащій критикѣ его ума, если его нѣтъ, то оно *opinio privata*, частное мнѣніе, подлежащее моей критикѣ и, кѣмъ бы оно ни было высказано, нисколько для меня необязательное. Повидимому, это совершенно неоспоримыя и элементарныя истины.

Отношенія богословія къ догмату понимаются и понимались нашими богословами гораздо лучше, нежели богословами западными; я не вхожу въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія, но ограничиваюсь просто изложеніемъ его. Наши ученые, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не даютъ „умствованію“ затемнять догмата, заслонять его въ сознаніи человѣка; они отдають, себѣ гораздо болѣе

вѣрный отчетъ въ значеніи богословія и не забываютъ, что богословіе есть не что иное, какъ наука, подлежащая критикѣ, колебаніямъ, измѣненіямъ, прогрессу и регрессу, какъ всякое произведеніе человѣческаго ума; что не должно поэтому сифивать престоль съ кафедрой и церковь съ аудиторією. Ошибку эту дѣлаютъ и дѣлали многіе западные ученые какъ римско-католическаго, такъ и протестантскаго лагеря. Разница между ними лишь та, что когда рим.-католическій ученый, благодаря своимъ „мудрствованіямъ“, впадаетъ въ парадоксію или этеродоксію, непріятную Риму, онъ теряетъ свою кафедру, удаляется въ міръ, какъ Ренанъ напр., а протестантъ продолжаетъ большею частію занимать свою кафедру. Къ сожалѣнію, въ протестантизмѣ не только внѣ-церковное, но и анти-церковное, прямо — антирелигіозное направленіе постоянно усиливается. Догматы (въ особенности христологическое ученіе) приняли у протестантовъ такую отвлеченную символическую окраску, что совершенно затерялись именно подъ вліяніемъ умозрительнаго богословія, напр. у Гарнака, нашедшаго, правда, многихъ противниковъ, но и многихъ сторонниковъ. Я былъ въ Германіи во время жестокой бури, вызванной послѣдними заявленіями Гарнака (относящимися до такъ назыв. апостольскаго символа). Оппонентами его оказались преимущественно пасторы, занимающіе официальные положенія; изъ числа протестантскихъ профессоровъ противъ своего коллеги протестовали немногіе. Притомъ Гарнакъ далеко не одинъ: Барль Газе — „Несторъ“ протестантскаго богословія, свѣтило Іенскаго университета, пожалуй хуже Гарнака, грубѣе его (*Geschichte Jesu*, 1891, стр. 245). Не много отъ нихъ отсталъ Вейсзекеръ (*Das Apostol. Zeitalter*). Даже истинно вѣрующій, умный и симпатичный Бейшлагъ дошелъ до крайней внѣшней границы догмата, чуть-чуть не впадаетъ въ унитаріанизмъ. У богослововъ враждебнаго лагеря, у р.-католиковъ „богословіе“ тоже затемнило догматъ, придало ему какой-то матеріалистическій характеръ, иногда отвратительный или по крайней мѣрѣ кощунственный. Имѣю въ виду не только сочиненія какихъ нибудь истерическихъ монахинь въ родѣ Маріи Алякокъ, а прямо сочиненія богослововъ (ссылаюсь на „поясненія“ 1876 г. епископа Мартына Падерборнскаго о *тѣлесномъ*

сердцѣ, какъ части человѣчности, „der Menschheit“, *тѣльной половины Христа*). А надъ Россією тѣже паписты еще смѣются за то, что какая нибудь полуграмотная старушка „больше“ почитаетъ Казанскую Божию Матерь, нежели Иверскую, или обратно! Какъ, мохъ, она себѣ не уяснила значенія иконоборческаго движенія, предшествовавшаго VII вселенскому собору!

Мы, православные, не даромъ постоянно указываемъ на то, что наше богословіе никогда не впадало въ такія ошибки, такія сумасбродствованія, что оно не извращало, не заслоняло нашего догматическаго ученія, нашего догмата, который именно поэтому и сохранился въ своей первоначальной чистотѣ. Мы побиваемъ римско-католическія нововведенія именно посредствомъ нашего чистаго догмата, въ которомъ находимъ вполне достаточныя данныя, чтобы рѣшать представляющіяся разномыслія; не слѣдъ намъ и теперь вступать на ложный, чуждый православію путь.

Пагубныя послѣдствія злоупотребленія богословіемъ въ римско-католической церкви выясняются именно теперь, и съ особенной рельефностію, притомъ въ довольно неожиданномъ для западнаго богословія направленіи. Римская курія, добывшая именно съ помощію „науки“ (богословія и пожалуй еще болѣе юриспруденціи) основанія для своихъ новыхъ догматовъ, весьма для нея цѣнныхъ, вынуждена теперь сама остановить это движеніе, такъ сказать „окристаллизовать“ свою науку, сдѣлать ее неподвижною, т. е. превратить ея выводы въ догматъ. Курія дѣлаетъ теперь обязательнымъ богословіе *Томы Аквинскаго*. Знаменитый авторъ „Суммы“ возведенъ въ непогрѣшимые „лейбъ-богословы“ непогрѣшимаго вице-Бога, возведенъ именно теперь, когда его ошибки, объясняемыя его довѣрчивымъ отношеніемъ къ Граціану и Лже-Исидору, обнаруживаются все болѣе и болѣе.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляють меня относиться скептически къ предложенію моего почтеннаго оппонента, совѣтующаго обратиться къ богословію тамъ, гдѣ молчитъ церковь. Повторяю: критерія для опредѣленія православности или неправославности старокатоликовъ нѣчего искать внѣ простаго догматическаго ученія нераздѣленной церкви. От. Смирновъ не замѣчаетъ,

на какой скользкій путь онъ становится, именно потому, что на этомъ пути онъ подвергнется искушенію придать своимъ разсужденіямъ безусловное, догматическое значеніе. Вѣдь не только всѣ етеродоксіи, но и всѣ ереси начинались именно такимъ образомъ. Вѣдь и злѣйшіе, опаснѣйшіе еретики въ родѣ Арія начинали съ ошибки, которая лишь впослѣдствіи отягощалась злою волей, желаніемъ достигнуть славы, чувствомъ гордыни и злобы; эти ереси являются лишь результатами первоначальнаго желанія пояснить догматъ, раскрыть вполне его значеніе, такъ сказать, улучшить его, дополнить то, о чемъ или гдѣ молчитъ церковь. Конечно церковь безусловно права, осудивъ ученіе этихъ богослововъ, но у многихъ изъ нихъ видно въ началѣ лишь желаніе послужить истинѣ. Исканіе безусловной истины въ наукѣ можно бы еще до нѣкоторой степени объяснить, если бы наука представляла нѣчто совершенно законченное, полное, сказавшее свое „последнее слово“, то столь модное „последнее слово науки“, за которымъ съ такой наивной довѣрчивостію бѣгали у насъ въ шестидесятыхъ годахъ. Но ничего этого на дѣлѣ нѣтъ и не оказывается, прибавлю—*къ счастью не оказывается*, именно потому, что богословіе—*наука*. У насъ и именно въ настоящее время эта наука и двинулась такъ сильно впередъ потому, что, ослабленная въ своихъ путяхъ, она стала жить гораздо болѣе полной жизнью, нежели до нашего времени. Вѣдь недавно еще ея движенію даже въ лицѣ Филарета московскаго противопоставлялись чисто внѣшнія преграды! Слава Богу, что наша наука не превратилась въ казенную мумію, а начинаетъ двигаться; пусть она и спотыкается подчасъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей; это конечно бѣда для нихъ, можетъ быть и для ихъ близорукихъ послѣдователей, но не только не бѣда, а благо (хотя отрицательное благо) для самой этой науки! Вѣдь безъ возможности ошибки не существуетъ и самостоятельнаго прогресса; не ошибается лишь тотъ, кто или совсѣмъ не мыслить и ничего не говорить, или ограничивается пересказомъ слышаннаго (*magister dixit!*).

Я имѣлъ въ виду аргументы противъ воссоединенія со старокатоликами, выставленные о. Смирновымъ; кажется, онъ остался

довольно одинокъ въ этомъ отношеніи. Въ нашемъ богословскомъ мірѣ все чаще и чаще подымаются голоса, и притомъ очень авторитетные, въ пользу безпристрастнаго и даже сочувственнаго разсмотрѣнія ходатайства старокатоликовъ; мнѣ хотѣлось бы предвидѣть различныя аргументы, которые могутъ быть выставлены противъ ихъ ученія. Я ихъ не нахожу, не нахожу, можетъ быть, потому, что слишкомъ дорожу этимъ дѣломъ; до сихъ поръ я если и встрѣчалъ *недоумѣнія* (*опроверженій* я не встрѣчалъ), то они скоро разъяснялись. Такъ, недавно одинъ ученый богословъ высказалъ такую мысль: Не внесутъ ли къ намъ старокатолики какихъ нибудь несвойственныхъ намъ взглядовъ? Но вѣдь такіе „взгляды“ конечно не въ состояніи поколебать нашу догму (тѣмъ болѣе, что догма наша тождественна); если же такіе взгляды попадутъ въ наши богословскіе журналы, или какъ нибудь иначе проникнутъ въ наше богословіе, то этимъ оно лишь оживится и конечно отъ этого не пострадаетъ. Напротивъ. Если намъ приходится о чемъ либо скорбѣть, то ужъ конечно не о слишкомъ большомъ оживленіи нашей богословской литературы.

Недавно мнѣ пришлось говорить съ однимъ выдающимся іерархомъ о старокатоликахъ и о ихъ отношеніяхъ къ православнымъ. Іерархъ этотъ,—человѣкъ ученый,—не оспаривая моихъ соображеній на счетъ первенствующаго значенія догмата въ данномъ вопросѣ, замѣтилъ мнѣ, что въ такомъ дѣлѣ нельзя упускать изъ виду и практическую его сторону, въ особенности то, что мы не можемъ дать никакого окончательнаго отвѣта на ходатайства старокатоликовъ, не снесшись предварительно съ прочими церквами и въ особенности съ патріархами. На это я отвѣтилъ, что необходимость обращенія къ патріархатамъ конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но что это понимаютъ и старокатолики, которые, обращаясь къ намъ, имѣли постоянно въ виду не только насъ—*русскихъ*, и грековъ¹⁾, но и всю православную церковь, значеніе которой старокатолики понимаютъ въ безусловно право-

¹⁾ Присутствовавшій на люцернскомъ конгрессѣ архіепископъ Никифоръ Патрасскій пользовался на конгрессѣ первенствующимъ положеніемъ.

славномъ смыслѣ. Это явствуетъ напр. и изъ одного отвѣта, даннаго комиссіей старокатолическихъ ученыхъ на схему *quaestio-nium controversarum*: „только вселенская церковь, сказано въ немъ, законно представляемая епископами, должна быть признана непогрѣшимою хранительницею и истолковательницею вѣры. Едва ли нужно присовокуплять, что вѣрность даже соборнаго опредѣленія еще не обезпечивается *внѣшнею* законностію епископскаго собранія, но прежде всего правильнымъ и свободнымъ обсужденіемъ вопросовъ, опирающихся, въ свою очередь, на тщательное испытываніе св. Писанія и Преданія“. Полагаю, что это опредѣленіе вполне православно. Этотъ вопросъ о церкви поражаетъ странныя недоумѣнія и опасенія; мнѣ приходилось слышать напр. такія мнѣнія: конечно наша церковь, какъ тождественная съ церковью древнею, вполне православна, но намъ не слѣдуетъ слишкомъ настаивать на этомъ тождествѣ. Въ этихъ археологическихъ туманахъ трудно разобраться, можно наскочить на какойнибудь забытый подводный камень. Да еще хотятъ туда пустить и старокатоликовъ: Что тамъ мудрствовать лукаво, мало ли что прежде было, какая тамъ древняя нераздѣленная церковь перваго тысячелѣтія: пріѣзжай сюда съ повинною, да и присоединяйся! Такіе взгляды едва ли доказываютъ большое довѣріе къ нашей церкви. Смѣю думать, что она заслуживаетъ большаго; смѣю думать, что и существующая нынѣ и существовавшая восемьсотъ лѣтъ тому назадъ—*одна и таже*. Конечно въ церкви есть элементъ и божественный и человѣческій. Сей послѣдній можетъ подвергаться колебаніямъ, впадать въ ошибки, но не въ немъ дѣло; если онъ внесъ порчу—пусть эта порча и будетъ исправлена, и если поводомъ къ такому исправленію послужатъ наши сношенія съ старокатоликами и другими православными церквами, то этому должно будетъ радоваться. Но едва ли эти опасенія основательны. Мнѣ приходилось говорить объ этомъ и съ высокостоящими греческими духовными лицами; они не раздѣляютъ такихъ опасеній, да и наши іерархи многократно высказывались мнѣ въ этомъ смыслѣ. Постоянныя, живыя и непосредственныя сношенія съ патріархіями, напримѣръ, они считаютъ очень желательными. Смѣю думать, что

вообще разсматривать вопросъ съ точки зрѣнія разныхъ практическихъ затрудненій можетъ быть преждевременно, ибо прежде всего необходимо рѣшить, православно ли ученіе старокатоликовъ. Но если оно дѣйствительно таково, если дѣйствительно старокатолики наши братья, то мы какъ хрістіане не имѣемъ права останавливаться передъ какими бы то ни было оппортунистическими соображеніями. Я понимаю, что необходимо во всемъ и всегда дѣйствовать осторожно и предусмотрительно, но это не мѣшаетъ намъ выяснитъ нашу цѣль и идти къ ней хотя медленно, но неустанно и неуклонно, хотя исподоволь подготавливая обстоятельства.

Полагаю, что нѣкоторая сдержанность, „опасливость“ въ сношеніяхъ съ старокатоликами, проглядывающая въ рѣчахъ нѣкоторыхъ православныхъ, происходитъ оттого, что, благодаря тысячеклѣтней враждебности къ намъ Рима, мы относимся съ недовѣріемъ ко всему, что когда то находилось подъ его вліяніемъ. Но вѣдь это недовѣріе ни на чемъ не основано, вѣдь старокатолики ничего не имѣютъ общаго съ Римомъ, они вѣдь преданы имъ анаемѣ, они преслѣдуются имъ всюду и вездѣ, они для него горше самаго востока, который такъ неумѣло борется съ Римомъ, съѣдающимъ его по частямъ то съ утвержденія берлинскаго конгресса (Боснія и Герцеговина), то по соглашенію Австріи съ Стамбуломъ и Фердинандомъ (Болгарія). Намъ очень стоитъ подумать и объ этой сторонѣ дѣла. Римъ не спитъ!

Есть въ политикѣ сторонники мира „во что бы то ни стало“ (*la paix à tout prix*), есть они и въ дѣлахъ церковныхъ; но вѣдь такая система хороша, когда и противники слѣдуютъ ей, а не тогда, когда они, какъ именно Римъ, слѣдуютъ совершенно противоположной политикѣ. У насъ любятъ покой, думаютъ, что его можно возвести въ принципъ жизни; любятъ повторять фразу очень сомнительнаго достоинства и лишь съ виду консервативную—*Quiesce popi movete* (не двигать находящихся въ спокойствіи). Да гдѣ эти недвижимыя вещи или дѣла? ихъ нѣтъ ни въ матеріальной, ни въ духовной жизни. Мы не замѣчаемъ ихъ движенія, но въ нихъ идетъ неустанная работа созиданія и разрушенія. Не замѣчаемъ мы его лишь потому, что невольно или вольно закрываемъ

глаза, сидимъ дома и не выходимъ на дорогу. Мы часто забываемъ, что внѣшнее спокойствіе иногда нисколько не соотвѣтствуетъ внутренней жизни, что сама жизнь течетъ очень быстро, хотя и незамѣтно, что жизнь внѣшняя, оффиціальная, иногда совсѣмъ не соотвѣтствуетъ жизни внутренней, неоффиціальной. Вотъ теперь всѣ рѣвки скованы морозомъ, по нимъ можно ѣздить, на нихъ можно строить хоть дома; но развѣ онѣ перестаютъ жить и течь?

Я, лично, думаю, что сношенія наши, а тѣмъ болѣе воссоединеніе со старокатоликами могутъ принести намъ великую пользу уже тѣмъ, что поставятъ насъ въ непосредственныя отношенія къ лучшей, просвѣщеннѣйшей части западнаго христіанства. Россія все болѣе и болѣе втягивается въ жизнь Европы. До сихъ поръ она была могущественнымъ политическимъ факторомъ, ея тяжелый мечъ не разъ рѣшалъ судьбу Европы; но не однимъ мечемъ сильна можетъ быть Россія, физическимъ могуществомъ не исчерпывается ея значеніе, она предназначена и къ другой роли; она имѣетъ и значеніе культурное: и она должна сказать свое слово, и она должна принять участіе въ культурной жизни Европы, познакомивъ ее съ своими культурными началами, изъ коихъ главное—*православіе*.

Мы цѣлую тысячу лѣтъ равниво оберегали и хранили ввѣренную намъ истину, святыню: теперь ли мы ее схоронимъ въ землю, когда мы вынуждаемся самими обстоятельствами показать ее во всемъ ея блескѣ, передать ее другимъ христіанамъ?! Именно наши отношенія къ старокатоликамъ дадутъ намъ возможность отстранить отъ нашей вѣры и нашей церкви всѣ нелѣпыя обвиненія въ узкости, въ неподвижности, въ нетерпимости, въ цезаропанизмѣ... Но не для насъ только это нужно, это нужно для другихъ; выступая съ своимъ православнымъ знаменемъ передъ другими народами и церквами, мы являемся не какъ завоеватели, не какъ работодатели, а какъ друзья, какъ союзники возраждающагося на западѣ православія. Можемъ ли мы, въ правѣ ли мы отказаться отъ этой великой, этой святой роли? Можемъ ли мы прятаться за нашу китайскую стѣну? Нѣтъ, конечно нѣтъ! Мнѣ иногда возражали: „стоитъ ли заниматься этими столь малочисленными старокатоликами, вѣдь

ихъ не болѣе полутора ста тысячъ"! Говорящіе такимъ образомъ очевидно смѣшиваютъ вопросы политическіе съ вопросами религіозными: они конечно и не подумали о чудной, глубокой притчѣ объ одной пропавшей овцѣ, которую идетъ отыскивать вѣрный Пастырь и которой, найдя ее, радуется болѣе даже нежели остальнымъ. Эта единая пропавшая-было, и снова найденная овца—и есть старокатолическая церковь, и мы должны не только молиться, но и трудиться въ пользу того, чтобы *черезъ насъ, православныхъ, нами содѣлалъ Свое благое дѣло Благой и Вѣрный Пастырь.*

Заканчивая эту статью, я позволю себѣ еще разъ привести слова о. протопресв. І. Л. Янышева, съ которыми онъ обратился къ старокатоликамъ и на которыя я указывалъ не разъ: „Православные не могутъ не сочувствовать старокатоликамъ; почва древней нераздѣленной церкви есть именно ихъ собственная почва, до такой степени, что, если бы православнымъ доказали, что они по какому либо пункту находятся въ противорѣчій съ древней нераздѣленной церковью, они первые посѣгнули бы устранить противорѣчіе.“

А. Кирзевъ.

Ново-Александровка.
1892 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки